

ВЛИЯНИЕ КНИГИ ПСАЛТИРЬ НА МОЛИТВОСЛОВНОЕ И ПРОПОВЕДНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО СЯТИТЕЛЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

*священник Виталий Наумчик,
магистр богословия, настоятель прихода храма в честь свт.
Кирилла Туровского, д. Бояры Пинского р-на*

Святитель Кирилл Туровский – один из наиболее плодотворных древнерусских писателей, имя которого было незаслуженно забыто на целые столетия. Своим сочинениям автор давал название «Слова», «Повести» или «Сказания», однако по жанровым особенностям их можно отнести либо к притчам, либо к торжественному красноречию [6, 56]. Он был «писателем великой силы и высокого нравственного чувства, вдохновенным творцом высокопоэтического стиля и страстным полемистом» [3, 661]. Современники не даром называли его вторым Златоустом, подобно Константинопольскому архиепископу святителю Иоанну. В трудах Туровского Проповедника ощущается греческое влияние, что свидетельствует о его знакомстве с греческой культурой, произведениями греческих авторов, знании греческого языка. Витиеватость языка не была характерна для современников Кирилла Туровского и поэтому вызывала восхищение его словами. Архиепископ Филарет (Гумилевский) оправдывал употребление эпитета Златоустый в отношении Туровского проповедника тем, что его слова «запечатлены духом Златоуста, его любовью к слову Божию» [8, LXXXIV].

Обилие образов, иносказаний, витиеватостей, греческое влияние отмечается всеми исследователями творчества русского Златоуста: М.И. Сухомлиновым, И.П. Ереминой, Е.Б. Рогачевской, А.А. Мельниковым и другими. Вследствие чего, святителя называли «византийцем в словесно-русских формах» [8, LXXXVII]. Однако, несмотря на всеми признанный исследователями факт греческого влияния Отцов Церкви на труды древнего Пастыря, стоит отметить, что святитель Кирилл Туровский внес личный, немаловажный вклад в наследие нашей Церкви. В издании Преосвященного Евгения «Творения св. отца нашего Кирилла, епископа Туровского: с предварительным очерком истории Турова и Туровской иерархии до XIII века» основную часть составляют собственно творения туровского Проповедника: 13 слов и посланий в русском переводе с древнего текста, молитвы и молебный канон, как в русском переводе, так и в славянском варианте. В конце книги помещены приложения, содержащие «Слово в неделю 5-ю по Пасхе», «Поучение на Пентикостию», «Наказанье», т.е. поучение о чтении Священного Писания (их подлинность ставилась под сомнение) и древние известия о преподобном Мартине Туровском и самом Кирилле Туровском. Стоит отметить, что составители высоко оценили молитвы святителя Кирилла, в которых, по их мнению, он выразился «той сердечной и жизненной теплотой, которую не могла дать никакая заимствованная и подражательная образованность» [8, XCIII]. В связи с чем, при характеристике молитвословного наследия святителя Кирилла, – белорусская исследовательница Л.В. Левшун, – указывает на подвижнический опыт, духовную зрелость автора, которые «в сочетании с широкой богословской эрудицией, учительским и писательским опытом и талантом дают Туровскому Златоусту широчайшую творческую свободу», позволяющую ему создавать «содержание и текст, адекватные возможностям восприятия потенциальных адресатов» [4, 184].

Несомненно, такой духовный опыт в своих красноречивых проповедях и молитвословиях, святитель приобрел за многие годы, изучая не только греческих святых отцов, но и книги Священного Писания, к которым он сам относил: Евангелие, Апостол, Паремийник, Псалтирь и некоторые другие [5, 447–448]. Свидетельствуя о своих знаниях, святитель Кирилл говорит, что почерпнуты они были из многих «божественных книг», в том числе и книг «псаломских» [5, 425]. Будучи «пастырем добрым», святитель пытался донести Слово Божие, находящееся в этих книгах, до сердца каждого человека, будь то

князя или малограмотного крестьянина. Его речь преизобилует библейскими цитатами, образами, оборотами. Причём они настолько органично вплетаются в речь святителя, что практически невозможно отделить их от мыслей самого автора. Очевидно, что Псалтирь сыграла значительную роль в формировании его внутреннего мирозерцания, как в принципе, она является до сих пор образцом спасения для каждого христианина [1, 8].

Действительно, все основные христианские добродетели нашли свое отражение в Книге псалмов. Это позволяет говорить об учительной роли Псалтири в области духовно-нравственной жизни человека, ставшего на путь спасения. Достаточно вспомнить приписку к Псалтири 1296 года, в которой говорилось: «Молитва бо и Псалтыря вышши есть всех добрынъ и пища уму есть яко же хлебъ телу молитва бо и Псалтыря есть радость и кротость и безъгневная прозябль. Благодария предлог. Целение печали и гроущения. Блаженъ и треблажен иже въ время с поканьны и с молитвами Псалтирь сию поеть. Без смятения Богу беседеует...» [7, 51].

Подобного мнения придерживался святитель Кирилл Туровский, который высоко ценил добродетели молитвословия и псалмопения, ставя их наряду с милостыней, незлобием, любовью, девством, смирением и другими добродетелями [5, 333–334]. При сравнении текстов молитв святителя Кирилла Туровского с текстами Псалтири прослеживается некоторая взаимосвязь между ними как по форме, так и по содержанию. Многие из псалмов написаны Псалмопевцем от своего лица и являются примером личного обращения человека к Богу. В то же время и большинство молитв святителя Кирилла предназначалось также для индивидуального использования, о чем свидетельствует их содержание. «Именно молитва, – по мнению Е.Б. Рогачевской, – является наиболее личностным произведением во всей древнерусской словесности, хотя чувства и переживания человека средневековья представлены в ней в рамках церковного канона. Обращаясь к Богу, человек не должен никому ничего разъяснять или доказывать, поэтому, если аллегореза и появляется в молитве, то она в наиболее чистом виде предстает как способ мышления» [7, 82].

Наличие аллегорий и сравнений в молитвах Кирилла Туровского, очевидно связано с присутствием таковых у Псалмопевца. Некоторые из них были взяты святителем непосредственно из Псалтири. Так, например, говоря о высоком призвании человека и о его глубоком падении, Туровский святой говорит о себе: «*Почтен во образ Создавашаго, скотию жизнь возлюбивши, причастихся достоания безсловеснаго, стремлению повинуся*» [5, 258–259]. Сравним этот отрывок с высказыванием Псалмопевца: «*И человек в чести сый не разуме приложихся скотом несмысленным и уподобися им*» (Пс. 48, 13). В данном случае можно провести параллели между словами святителя: «*Почтен во образ Создавашаго...*» и Псалмопевца: «*Человек в чести сый...*», а также – выражениями: «*...скотию жизнь возлюбивши, причастихся достояния безсловеснаго*» и соответственно: «*...приложихся скотом несмысленным и уподобися им*». Как видим, в первом случае схожесть двух текстов прослеживается лишь на смысловом уровне, в то время как во втором – наряду с идентичностью хода мысли проявляется идентичность используемого сравнения [1, 11].

Примечательно, что 13-й стих 48-го псалма святитель Кирилл, по крайней мере, еще дважды использует в своих молитвах.

Первый раз, в отрывке молитвы «Субботы по Вечерни»: «Распространихся в безакониях моих *причтыхся скотом несмысленным*. Но вся плоть потопив в водах, мое обличая нечестие, *не наказа мене ярость гнева Твоего* и не почюх гневающаго Тя, но греха моего безумием возрастих и безаконие мое умножих» [5, 253–254], – святитель при помощи этого стиха, с одной стороны, и парафраза прошения Псалмопевца: «*Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене*» (Пс. 6, 2), – с другой, противопоставляет глубину своего падения величию милосердия Божия. Таким образом, по мнению Е.Б. Рогачевской, «молящийся у Кирилла то опускается в пучину греха, то возносится к небу с просьбой. Поэтому, кажется, что произведения Кирилла очень

динамичны, и чтение его молитв действительно требует определенного душевного труда» [7, 63].

Второй раз, 13-й стих 48-го псалма используется в молитве «Пятка по Утрени». В этой же молитве для усиления воздействия на молящегося, святитель приводит высказывание из второго соборного послания апостола Петра. В молитве читаем: «Но аще час каюся, а время беззаконную, *яко пес возвращаяся на своя блевотины* (2 Петр. 2, 22), вся благая восприим, ко страстем нечестия уклонихся от Тебе, поработихся скверным похотем, *приложихся неразумным скотем*» [5, 284]. Как видим, противопоставляя человеческую греховность благодати Божией, святитель заставляя молящегося задуматься над своей жизнью, и тем самым привести его к покаянию. В данном отрывке Туровский святой акцентирует внимание на необходимость постоянной борьбы человека с грехом. Перефразированные слова 48-го псалма: «...*приложихся неразумным скотем*», – святитель Кирилл предваряет пояснительной вставкой: «...вся благая восприим, ко страстем нечестия уклонихся от Тебе, поработихся скверным похотем», – тем самым, раскрывая их значение в приложении к нашей жизни [1, 12].

Таким образом, на основании разобранных стихов из Псалтири выше можно сказать, что Туровский святой в своих молитвах разъясняет и делает более доступными для древнерусского человека слова Псалмопевца. Создавая свои творения, святитель Кирилл Туровский ставил перед собой цель научения народа Божия истинам христианской веры и делам благочестия. В связи с чем, Псалтирь, некогда повлиявшая на становление внутреннего мирозерцания святителя, позднее служила, а впрочем, и служит до настоящего времени, посредством его трудов, просвещению всех людей светом Христовым [1, 165].

Список использованных источников

1. Верещинский А. Учительная роль Псалтири в Творениях Святителя Кирилла Туровского : дис. ... канд. богосл. / А. Верещинский. – Жировичи, 2007. – 170 с.
2. Гришковец, Андрей Сергеевич. Почитание святителя Кирилла Туровского на Белорусских землях : дис. ... маг. Богосл. : Андрей Сергеевич Гришковец. – Минск, 2015. – 76 с.
3. Колесов В.В. Из «Притч» и «Слов» Кирилла Туровского / В.В. Колесов // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – Москва, 1980. – С. 290—323, 660—669.
4. Левшун, Л.В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI-XVII веков / Л.В. Левшун. – Минск : Белорусская Православная Церковь, 2009. – 896 с.
5. Мельнікаў, А.А. Кірыл, епіскап Тураўскі / А.А. Мельнікаў. – Мінск : «Беларуская навука», 1997. – 464 с.
6. Мильков В.В. Религиозно-философское значение литературных приемов древнерусского политического памфлета (на материалах «Притчи о душе и теле» Кирилла Туровского) / В.В. Мильков // История философии. – 2011. – № 16. – С. 56–78.
7. Рогачевская, Е.Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования / Е.Б. Рогачевская. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 280 с.
8. Творения св. отца нашего Кирилла, епископа Туровского: с предварительным очерком истории Турова и Туровской иерархии до XIII века / издание Преосвященного Евгения, епископа Минского и Туровского (ныне Астраханского и Енотаевского). – Киев : Тип. Киево-Печерской Лавры, 1880. – СII, 296.